

СИЛА И СЛАБОСТЬ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ

Речь в Славянском обществе

На сделанное мне предложение многоуважаемым председателем сказать сегодня несколько слов я не считал возможным отвечать отказом. Напротив, я горячо благодарю его за оказанную мне честь говорить в первом, в новое царствование, чрезвычайном собрании Славянского общества.

Присягнув недавно четвертому Государю, я живо помню семь, восемь лет царствования императора Николая I. Далекий от престола и правительства, не участвуя ни в законодательных, ни в административных делах и предприятиях двух последующих царствований Александра II и Александра III, я всегда с живейшим вниманием следил за внутренними и внешними событиями нашей истории за последние без малого полвека. Не немногих крупных и видных деятелей этого времени, крупных и видных по дарованиям и заслугам или по одному положению, я имел случай встречать, наблюдать и опознавать, обо всех других, как постоянный житель Петербурга и всегда имевший много знакомых из разных общественных слоев, имел довольно верные сведения и понятия. Одних из них я любил и уважал, других уважал, но не любил, третьих не любил и не уважал, но никому из них никогда не завидовал. С юности отказавшись от всякого искания служебной карьеры, внешних отличий и почестей и избрав себе безобидную долю тихого служения науке и русской ли-

тературе, я примкнул к разряду людей, благодаря Бога, все возрастающему у нас. Это — смиренные люди всех сословий и состояний. Воспитав свой ум научными наблюдениями и изысканиями, довершив свое образование путешествиями, в столице ли или провинции, занимаясь каждый своим излюбленным делом, они зорко наблюдают и критически оценивают все, что творится в нашем отечестве; Царю они преданы, к властям и начальствам почтительны, но у них не взыскивают. Они стараются лишь честно и на пользу России прожить свой век, оставить по себе доброе имя и не меньше князя Бисмарка до отставки никого не бояться, кроме Бога. В этом отношении они сливаются с массой миллионов русских людей, а по умственному развитию и образованию составляют истинные верхи общества, здоровую и нормальную интеллигенцию русской земли. Отзывы таких современников о настоящем образуют голос страны или общественное мнение, а отзывы их о более или менее недавнем прошлом, скорее, подходят, как бы его предугадывая, к суду потомства.

Да позволено же мне будет сказать несколько искренних слов в память недавно почившего и погребенного Государя и приветствовать Его Сына, Молодого Царя Нашего, словами любви, надежд и упования.

Уже не раз указывали на сходство царствования покойного Государя Александра III с царствованием Николая I; находили известное сходство воззрений этих государей на значение и объем самодержавной власти, на различные виды общественного самоуправления, на гласное выражение общественного мнения, на цели и задачи русского просвещения, искали известного сходства в некоторых мероприятиях деда и внука. Тут мы должны прибавить, что вступление того и другого государя на престол произошло при смутных обстоятельствах, всегда имеющих влияние на тот или другой характер царствования — поступательный или строго консервативный. Но нельзя забывать, что 14 декабря, как оно не было печально, далеко не походило на страшную катастрофу 1 марта, поразившую Царя-Освободителя и повергшую в ужас не одну Россию,

но и весь образованный мир. Эта катастрофа была лишь последним звеном целой цепи предыдущих злобных покушений и безумных злодеяний. Да и личный характер Александра III отличался от характера Николая I. Царствование последнего продолжалось с лишком 29, а царствование Александра III немного более 13 лет с половиной.

Но есть и другие, более крупные отличия последнего царствования от царствования Николая I. Последние его семь лет я живо помню, пережил и выстрадал их со всею тогдашней Россией. Главные события того времени всем известны. В 1849 г. происходила Венгерская кампания. В 1853 г. началась война с Турцией, перешедшая потом в войну ее союзников, Англии, Франции, Сардинии, при самом враждебном к нам нейтралитете недавно спасенной нами Австрии. Война окончилась уже в царствование Александра II падением Севастополя и Парижским миром, отнявшим у нас придунайский кусок Бессарабии и лишившим нас права иметь крепости и военный флот на Черном море. Императору Александру II удалось впоследствии восстановить эти нарушенные права России, но только отчасти — кусок Бессарабии был нам возвращен, но правом возобновить Севастополь и Черноморский флот воспользовался уже Александр III. И в этом заключается первая историческая заслуга покойного Государя.

Со времени императора Павла I до вступления на престол Александра III, как в XVIII столетии со смерти Петра II до вступления на престол Елизаветы Петровны возвышался у нас один из немногочисленных инородческих элементов, сильный своим образованием и веками воспитанный во вражде к славянству, над частью которого он привык властвовать. При русском дворе, в нашей дипломатии, в русской армии, в высших центральных учреждениях немецкий элемент занимал, относительно говоря, преобладающее, господствующее положение. Известны слова Ермолова, популярные в целой России о пожаловании ему высшей награды — *немецкой фамилии* хорошо рисуют положение немцев в России при Александре I и Николае II. Припомним, какое сильное и важное положение

занимали иногда на западной окраине некоторые немцы, известные своими немецкими пристрастиями. Припомним несколько русских по происхождению, хотя, строго говоря, не государственных, но истинно придворных и влиятельных в свое время людей, кои поражали своим поклонением и прислуживанием остзейским баронам, защитой всяких привилегий и порядков Прибалтийского края, немецких колоний на юге и немецкого земледелия в Ковенской губернии. За печатание в Праге своих «Окраин» (а в России он не мог их напечатать) Самарин получил строгий выговор. Довольно свободная в то время печать получала предостережения за всякое правдивое слово о ненормальном положении русского, латышского и эстонского населения в Прибалтийских губерниях.

Все это обличает 80-летнее почти господство пристрастных и ложных у нас воззрений на немецкий элемент в России. Мудрено ли, что он не смущался громко и решительно выдавать себя за единственно верную охрану и надежнейший оплот Русского Престола?

После Елизаветы Петровны и Екатерины II, окруженной особенно в начале ее царствования блестящей плеядой даровитых русских государственных людей, Александр III первый взглянул прямо и просто, согласно со всем русским народом, на это привилегированное положение немецкого элемента в России. Не питая к нему ни малейшей вражды, ценя и уважая каждого почтенного человека немецкой народности, Александр III сознал ненормальность и неловкость прежнего явного предпочтения и особенно любовного покровительства немецкому элементу в России и счел необходимым даровать равноправность латышам, эстам и русским в Прибалтийском крае и отменить всюду прежнее привилегированное положение немецкого элемента в России: в немецких колониях на юге и западе, в университете Дерптском, в петербургской Академии наук. «Окраины» Самарина, запрещенные в прежнее царствование, были разрешены даже для продажи в России; идеи Самарина нашли сочувствие в Александре III, а по указаниям Государя были начаты и проводимы преобразования в

Прибалтийских губерниях. Высокоразвитая, даровитая женщина, горячо любившая свою родину, строгая протестантка, баронесса Раден¹, тогда еще только светская знакомая Самарина, пришла в ужас и негодование по беглом ознакомлении с первой книгой его «Окраин», но после того, как Самарин в ряде писем и личных бесед разъяснил ей свои воззрения и желания относительно остзейских порядков, баронесса Раден прониклась к Самарину глубоким уважением и чувством искренней привязанности.

Умно, последовательно, гуманно и твердо проведенные в этом направлении преобразования доставят русскому народу и Русскому Царю глубокую признательность латышей и эстов, а между немцами и русскими создадут, можно надеяться, такие же дружелюбные, исполненные взаимного уважения, отношения, какие образовались после первой размолвки у баронессы Раден к Юрию Федоровичу Самарину.

Третья великая историческая заслуга царствования покойного Государя заключается в обеспечении мира для России и для всей Европы. Оно достигнуто было не проповедями баронессы Зутнер² в романе «Долой оружие» и учением графа Толстого «о непротивлении злу» и о вреде государств и армий, а, напротив, усилением, усовершенствованием мобилизации, перевооружением русской армии и укреплением западных наших границ. Не будь сделано всего этого, несмотря на энергичные протесты немецкой баронессы и русского графа, Россия непременно бы извела в один из годов последнего десятилетия вторжение в свои пределы двух неприятельских армий.

К таким военным приготовлениям Россия была вынуждена берлинским конгрессом и вскоре затем состоявшимся заключением Тройственного союза, обращенного против Франции с одной и против России с другой стороны. После этого должно было явиться обоюдное стремление России и Франции ко взаимному сближению. Необходимость его была единодушно понята огромным большинством людей в России и во Франции. По своей доброй, простой душе, чуткий к нуждам и потребностям русской земли, Государь давно, ка-

жется, волновался этим общерусским желанием, но Его ум, не скорый на заключения, долго колебался, пока, наконец, Его верный, здравый смысл не опознал наилучшей минуты для скрепления Своим Царским словом и делом этого сближения двух великих стран. Со стороны русского Государя это был шаг чрезвычайный. Надо помнить, что, за исключением нескольких коротких перерывов во время консульства и империи, второй империи после Парижского мира, при нашем дворе и у нашей дипломатии, под влиянием множества приближенных остзейцев, всегда больших немецких патриотов, Франция, а тем паче республика французская, систематически была представлена своего рода апокалипсическим зверем. Когда требовалось отстранение опасного, даровитого человека, всегда наилучшим средством считалось выражение сожаления, что этот хороший человек слишком-де увлекается французскими идеями. С развитием у нас просвещения эти средства умножались двумя столь же действительными словечками: славянофильство и нигилизм. Всех поклонявшихся князю Бисмарку и одобрявших остзейские порядки принято обвинять еще в славянофильстве и нигилизме.

Полтора года тому назад мне случилось встретиться за границей и провести несколько дней с одним очень почтенным человеком и известным русским дипломатом³. Знакомы мы были с молодости, и беседа наша была откровенная. Это было до Тулонской встречи. Дипломат наш прямо и резко выразил свое полное неодобрение начавшемуся в Кронштадте сближению нашему с Францией. «Это политика улицы. Это не настоящая, не кабинетная политика. Политика так не ведется. Мы не должны были выходить из союза трех Императоров».

Наш дипломат предвидел одни только бедствия и военные грозы от этой *политики улицы*. Последовавшие затем торговые договоры с Германией и Австро-Венгрией, усиленные работы по построению гигантского Сибирского пути и новые проекты железных дорог для соединения Архангельска с Пермью, Москвой и Петербургом, Москвы с Псковом, наконец, единодушные отзывы лучших государственных людей всех европейских

государств, заинтересованных в мировых великих заслугах, оказанных покойным Государем именно по части умиротворения Европы, вероятно, теперь убедили нашего дипломата, что эта политика была гораздо реальнее и разумнее прежней *настоящей, кабинетной политики*.

Эта прежняя, так называемая *настоящая* политика иногда ставила Россию в служебные отношения к иностранным державам, особенно к Австрии, Пруссии и потом к Германской империи. Этой политике мы обязаны рядом разорительных войн императора Павла, пославшего Суворова в Италию спасать чужие и неизвестные России алтари и престолы, войска на Аустерлиц на защиту Австрии, отправившего их потом к Прейсиш-Эйлау и Фридланду на защиту Пруссии, двинувшего, наконец, за границу русскую армию в 1813 г. для освобождения Германии: об этом братстве по оружию наши соседи так любят при всяком удобном случае внушительно напоминать нам, вероятно, сознавая, что мы не жалеем, что в 1812 г. об этом *братстве* не было и помину. Вся эта политика носила тот же характер мечтательности и сентиментальности, как и вслед затем появившийся странный, полумистический священный союз. В исполнение наложенных им обязательств, Россия, словно верный вассал Австрии, ходила усмирять мадьяр и спасать едва ли нам особенно нужную целость этой империи. Политика священного союза дорого стоила России и окончилась падением Севастополя и Парижским миром. Наступившая затем политика Dreikaiserbund'a привела нас к берлинскому трактату и закончилась Тройственным союзом.

Сближение России с Францией составляет эпоху в русской политике. Оно знаменует решимость России навсегда покинуть политику донкихотских рыцарских авантюр или походов на защиту иностранных дворов и династий. Берлинский трактат и разные последующие события за Дунаем и Савою до настоящей минуты доказывают нам, — как прекрасны и благородны были наши порывы 1875–1877 гг., — что тогдашние наши увлечения, *quorum pars parva fui*, страдали значительной долей мечтательности и сентиментализма.

Как сентиментализм есть ложное направление или своего рода извращение чувства, равнодушного к горю близкому и направленного к горю далекому и малознакомому, так мечтательность есть извращение внимания к мысли, когда они от объектов, доступных представлению и пониманию, обращаются к предметам неясным и неопознаваемым.

Наши деды и отцы вслед за нашим двором приходили в ужас и проливали слезы о бедной королеве Луизе, о бедных императоре австрийском и короле прусском и разных других коронованных владетелях, терпевших обиды в поражении от надменного корсиканца и ходили проливать свою кровь в 1805, 1806, 1813 гг. для освобождения народов от ига Наполеона.

В этом, конечно, было много благородного увлечения, но оно было мечтательно и сентиментально, ибо наши старики забывали, что положение миллионов русских крепостных крестьян и их жен, невест и дочерей было в то время гораздо тягостнее и достойнее слез, чем положение иностранных государей и их подданных после Аустерлица, Иены и Ауэрштедта. И не в сто ли раз лучше бы было, если бы мы все эти заботы и филантропические попечения и хотя бы часть громадных денег, употребленных на эти войны, положили в первых годах нашего столетия на освобождение крестьян, на народное образование и на улучшение наших путей сообщения.

То же самое надо сказать и про наши увлечения славянские конца 70-х годов.

Мы близко и непосредственно не знали ни положения болгар, ни их нравов и стремлений, ни прежней их истории, ни географических условий их страны. Мы начали войну за освобождение болгар, не подумав, в какое разорение приведет она миллионы недавно освобожденного русского народа. Наконец, мы забывали, что кроме четырех миллионов болгар есть еще с лишком три миллиона не свободных русских, гораздо более нам близких.

Не стыжусь публично покаяться — в то время я не так думал — война за освобождение Болгарии была с нашей стороны таким же благородным, донкихотским подвигом мечтатель-

ности и сентиментализма, как и все прежние наши войны за спасение алтарей и тронов, за спокойствие и усиление власти Габсбургов и Гогенцоллернов.

Чем больше и ближе я знакомлюсь со всей прежней историей болгар и с географией их территорий, тем яснее становится, что страна эта, как и многие другие, не имеет в себе нужных условий на совершенно самостоятельное и независимое политическое бытие. Болгария может быть только автономна и свободна во внутренних своих делах. Вполне самостоятельным, так сказать политически самодержавным государством, никогда ее не сделают ни наши и никакие другие силы в мире*.

Поэтому я позволил бы себе подать благой совет прекратить раз навсегда все толки о каком-то примирении и предоставить Австро-Венгрии продолжать хозяйничать, благо ей и болгарам это нравится в этом княжестве.

Это могло быть только полезно и России, и болгарам для отрезвления.

Обращаясь к сближению России с Францией, заметим в заключение, что оно отнюдь не означает желания России встать в дурные отношения с соседними Германией и Австро-Венгрией. Сближение Русского царства с Французской республикой означает лишь, что Россия перестала, как это было во время *известного братства по оружию* и священного союза, отождествлять свои интересы с интересами домов Гогенцоллернов и Габсбургов. Как Гогенцоллерны прежде всего дорожат благом и интересами Германии, так точно и Государи дома Романовых на первом месте ставят интересы и выгоды России.

Это вовсе не устраняет множества разных вопросов, где Россия может идти рука об руку с Германией и Австро-Венгрией. Не нужно только забывать, что имеются и такие вопросы, где мы можем вполне сходиться с этими двумя империями только

* Из сделанных мне после чтения замечаний некоторыми болгарскими князьями я заключил, что роль Виртемберга, Бавария и пр. представляется им слишком унижительной для их княжества. Им нужно, очевидно, царство Симеона в Асинеи, но его получить так же легко и удобно, как восстановление царства Душни, королевства корон Звонимира, Св. Вячеслава и державы Ягеллонов от моря до моря.

отчасти, так сказать, на полпути, и где далее интересы и желания являются диаметрально противоположными.

Так, например, мы, русские, вполне согласны с немцами, что нерусские славяне, пока не возымеют общего органа взаимного понимания, единого международного языка, никогда не получают действительной, а не бумажной, в параграфе закона, равноправности с немцами. Но далее мы уже расходимся с немцами. Они думают и говорят, что таким необходимым органом должен быть язык немецкий и указывают на то, что огромное большинство нерусских славян давно включено в немецкую католическую империю и, отчасти по принуждению, отчасти добровольно, по силе обстоятельств, уже научились языку немецкому. Далее, говорят немцы, теперь остается им обучить еще несколько миллионов славян за Савою и Дунаем, и тогда немецкий язык в том же, вероятно, роде, как язык урду — индусов, объединит всех нерусских славян и окончательно отдалит их от русского народа, что-де и требовалось.

Мы же, русские, напротив того, думаем иначе и желаем совершенно противоположного. Мы желаем настолько распространить язык русский между славянами, чтобы у одних вытеснить язык немецкий, как орган взаимного понимания, а у других и не допускать его до такой роли. И мы надеемся, что сами славяне в конце концов скорее пристанут к нашему, чем к немецкому предложению, тем более, что мы лишены — и об этом не жалеем — тех принудительных способов к распространению своего языка, которыми располагают немцы среди большинства нерусских славян.

С этим общим вопросом связано не мало других частных вопросов в отношениях славяно-германских.

Но ни эти частные, ни этот общий славянский вопрос все не составляют гордиева узла, чтобы нуждался в мече Александровом. Напротив, этот вопрос может быть решен в нашу пользу не на полях брани, не восстаниями, а мирным, упорным и дружным трудом целых поколений.

А теперь, благодаря заслугам покойного Государя по обеспечению мира, нам и открывается эра таких мирных трудов.

Да поможет Бог молодому Царю нашему окончить с успехом начатые или задуманные Его Отцом гигантские работы по соединению русских столиц с Великим океаном и с Белым морем. Да поднимется в Его царствование материальное благосостояние миллионов крестьянского сословия — главной основы могущества и богатства русского государства, как введением наибольшей равномерности в нашей податной системе, так и облегчениями посредством крестьянских банков приобретать сельским общинам предназначенные к продаже за неуплату долга заложенные в Дворянском банке имения. Да примет, наконец, государство на свой счет содержание старых и заведение новых народных школ, дабы ныне расходуемые на народные школы суммы земство могло употребить на дороги и прочие нужды. Пожелаем, чтобы всякий благой личный почин частных людей или целых обществ встречал все менее преград, воздвигаемых канцелярским порядком, нередко убивающим частную энергию и только посеяющим гибельное взаимное недоверие между государством и обществом, чтобы русская печать становилась все более и более искренним выразителем чувств и мыслей русского общества, дабы лезть не смешивалась с преданностью, а честное, искреннее указание недостатков не принималось за злонамеренность. Да широко развиваются в нашем отечестве земледелие, промышленность и торговля, да процветают искусства и науки, да распространяется в нем просвещение в духе христианской свободы и терпимости ко всем иноучениям, так как свет Христов не боится лжи и вера христианская, основанная на личной человеческой свободе и Божественной благодати, не терпит и не допускает принуждения.